

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ
SOURCE STUDIES
AND ARCHAEOGRAPHIC RESEARCH

DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.044
УДК 271.2-856(470.34)“18/19”

И. В. Починская
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

**СТАРООБРЯДЧЕСТВО ГЛАЗОВСКОГО УЕЗДА
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ XVIII–XIX ВВ.
В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Статья посвящена проблеме формирования локальных центров старообрядчества на примере Глазовского уезда Вятской губернии. Автор отмечает, что передвижение в поисках более благоприятных условий выживания стало постоянным элементом существования староверия. Пересечение разнонаправленных и наложение одновременных потоков определяет региональное своеобразие истории старообрядчества, которое во многом влияло на особенности развития регионов компактного его проживания, сформированных оседанием староверов в ходе их транзита. В статье проанализированы процессы образования нескольких локальных центров глазовского старообрядчества. Важную роль в формировании вятского старообрядчества сыграл разгром в первой четверти XVIII в. керженского центра, сложившегося в Поволжье еще во второй половине XVII в. С Керженца старообрядцы уходили как можно дальше от центральных властей в приуральские, уральские, зауральские леса. Некоторые из них оседали по дороге, основывая новые поселения, скиты, устраивались на возводившихся в Уральском регионе частных заводах. Маршруты мигрантов в значительной части пролегли через территорию, которая к концу XVIII в. оформилась как Вятская губерния. На основании документов, опубликованных уральским исследователем Н. С. Корепановым, автором статьи выявлены поселения, образованные старообрядцами в Верхокамье, где доминировали представители поморского направления (согласия). Западнее этого региона, на юге Глазовского уезда сложились общины филипповского согласия, в которых формирование духовной иерархии было связано с общинами Нижегородской губернии. Также рассмотрено складывание беглопоповских центров. Один из них находился на северо-востоке уезда, второй — на юго-западе. Автор статьи на основе анализа архивных источников

объясняет причины появления в научной литературе противоречивых сведений о течении, к которому принадлежали старообрядцы Омутнинского завода, рассматривает историю крупнейших часовен беглопоповцев в Порезской волости, акцентирует внимание на персоналиях лидеров старообрядчества этой территории. В результате анализа материала источников автор приходит к выводу, что к концу третьей четверти XIX в. процесс миграции старообрядцев практически остановился. Изменения государственной политики по отношению к старообрядчеству постепенно создавали условия для его более спокойного существования.

Ключевые слова: Вятская губерния; старообрядчество; Верхокамье; Омутнинский завод; миграция

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

Цитирование: *Починская И. В.* Старообрядчество Глазовского уезда Вятской губернии XVIII–XIX вв. в контексте миграционных процессов. DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.044 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 58–71.

Поступила в редакцию: 02.04.2020

Принята к печати: 29.06.2020

Irina V. Pochinskaya

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

OLD BELIEF IN GLAZOV DISTRICT (VYATKA PROVINCE) IN THE 18th AND 19th CENTURIES IN THE CONTEXT OF MIGRATION

This article is dedicated to the formation of local centres of Old Belief in Glazov district, Vyatka Province. The author notes that movement in search of more beneficial living conditions was a constant throughout Old Belief's existence. The intersection of multidirectional, diachronic migration streams defined the regional characteristics of Old Belief, in many ways influencing the compact form of Old Believer settlement that developed in the course of their transit. The article analyses the formation of several local centres of Old Belief in Glazov. During their flight from the centre in Kerzhenets in the first quarter of the eighteenth century, Old Believers fled as far as possible from the central authorities to the Ural forests: this played an important role in the development of Vyatka Old Belief. Some of them settled along the roads, establishing new settlements and sketes amidst the private factories then being created in the Ural regions. To a considerable extent, migrant routes crossed the territory that, at the end of the eighteenth century, became Vyatka province. On the basis of documents published by the Ural researcher N. S. Korepanov, the article identifies

settlements created by the Old Believers in Verkhokamyë, where representatives of the Pomortsy concord were dominant. To the west of this region, in the south of Glazov district, Filippovtsy communities formed: the establishment of a spiritual hierarchy there was connected with communities in Nizhny Novgorod province. Also considered is the unfolding of Beglopovovtsy centres. One of these was located in the northeast of the district, while the other was in the southwest. On the basis of the analysis of archival documents, the article's author explains why contradictory information has arisen in the scholarly literature about the concord to which the Old Believers of the Omutninsk factory belonged, considers the history of the largest Beglopovovtsy chapels in the Porez area, and focuses on the personalities of the Old Believer leadership in this territory. As a result of this analysis, the author concludes that by the last quarter of the nineteenth century, Old Believer migration had essentially ceased. Changes in state policy towards Old Belief had created the conditions for the latter to enjoy a more peaceful existence.

Key words: Vyatka province; Old Belief; Verkhokamyë; Omutninsk factory; migration

Acknowledgements

This article was completed within the framework of the assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the topic "Regional Identity in Russia: Comparative Historical and Philological Research", № FEUZ-2020-0056.

For citation: Pochinskaya, I. V. (2020). Staroobriadchestvo Glazovskogo uezda Viatskoi gubernii XVIII–XIX vv. v kontekste migratsionnykh protsessov [Old Belief in Glazov District (Vyatka Province) in the 18th and 19th Centuries in the Context of Migration]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 58–71. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.044

Submitted: 02.04.2020

Accepted: 29.06.2020

Одной из основных характеристик бытия старообрядцев является миграция. Начало преследований староверия во второй половине XVII в. породило его массовые перемещения на территории подальше от властей. Передвижение в поисках более благоприятных условий выживания стало важным элементом существования староверия. Пересечение разнонаправленных и наложение одновременных потоков определяет региональное своеобразие истории старообрядчества, которое во многом влияло на особенности развития регионов его компактного проживания, сформированных оседанием староверов в ходе их транзита.

К числу районов, довольно плотно заселенных старообрядцами и с большим разнообразием направлений старообрядчества, относится территория, которая к концу XVIII в. оформилась как Вятская губерния. Старообрядцам этой территории практически до конца XX в. удавалось сохранять живыми немало особенностей традиционной культуры. Расселение старообрядцев Вятской губернии было неравномерным, столь же неравномерной является и степень

изученности региональных центров старообрядчества. Наибольшее внимание исследователи уделяли Центральной и Южной Вятке (Уржумский, Нолинский, Малмыжский уезды), и это вызвано тем, что территории были местом активной работы археографических экспедиций БАН СССР (РФ) и УрГУ в последней четверти XX в., а также ряда поездок, совершенных археографами МГУ в XXI в. Однако не менее интересным и важным для истории региона нам представляется старообрядчество Глазовского уезда, которое, несмотря на наличие ряда публикаций, изучено недостаточно.

Важнейшим и наименее исследованным вопросом в истории многих локальных центров старообрядчества является начальный этап их формирования как таковых. Развернувшие в XIX в. активную деятельность среди старообрядцев православные миссионеры опубликовали в «Епархиальных ведомостях» всех епархий, в том числе и Вятской, немало отчетов о поездках по местам компактного проживания старообрядцев, очерков по их истории, основанных на материалах местных архивов. Как правило, в них история старообрядчества начинается с начала XIX в., и эта информация перекочевывает в современные исследования. Анализ транзита старообрядцев на восток позволяет значительно сдвинуть время появления старообрядцев в ряде районов Вятского края.

Восточная часть Глазовского уезда Вятской губернии совместно с западными уездами Пермской губернии составляет регион, получивший наименование Верхокамья. Юго-восток Глазовского уезда издавна был населен старообрядцами поморского согласия. Их общины тесно связаны с одноверцами на примыкающей территории Пермской губернии. Историю появления там старообрядцев исследователи обычно начинают с рассказа, изложенного в рукописи XVIII в., которая была опубликована в 1863 г. архимандритом Палладием (Пьянковым) в «Обзрении пермского раскола» [Палладий, с. 2–3, 184–186]. Однако необходимо отметить, что достоверность сообщаемой в сочинении информации о происхождении насельников устроенных в этих местах скитов вызывает сомнения. По словам автора сочинения, староверы пришли в леса по берегам рек Сепыч, Сабанец, Лысьва, Очер в конце XVII в. Это были якобы беглые участники стрелецкого бунта 1698 г. и практически все они были очень родовиты. Организованные ими скиты по доносу крестьянина с Ильинского Егора Щетникова были разорены Василием Васильевичем Пальчиковым в 1725 г., действовавшим по ордеру осинского воеводы, майора Романа Немкова. Многим насельникам скитов удалось скрыться от преследований, они расселились на достаточно большие расстояния.

Уточнить сообщенные в рукописи сведения помогают документы, опубликованные уральским исследователем Н. С. Корепановым [2013] в статье, посвященной истории так называемого Заречного тына в Екатеринбурге — места, устроенного специально для содержания старообрядцев, ссылавшихся туда после ареста в разных районах страны. Заречный тын существовал с 1737 по 1765 г.

Среди первых узников Заречного тына были старообрядцы, арестованные в Верхокамье. Все они были схвачены командой под руководством

В. В. Пальчикова в марте 1738 г., а не в 1725 г., как указано в рукописи Палладия. Среди арестованных было много старообрядцев, долгие годы проживших на реке Керженец — притоке Волги, где находился один из самых ранних центров старообрядчества, сформировавшийся во второй половине XVII в. Он был разгромлен властями в 1720–1730-е гг., после чего многие его насельники уходили все дальше от центральных властей в приуральские, уральские, зауральские леса. Некоторые из них оседали по дороге, основывая новые поселения, скиты, устраивались на возводившихся в Уральском регионе частных заводах. Нередко к следующим на восток керженцам присоединялись местные жители. С. А. Белобородов на основе анализа расспросных речей старообрядцев, арестованных в 1730–1740-е гг., реконструировал пути миграции староверов с Керженца на восток: «с Керженца на реку Ветлугу, оттуда на Вятку (в районе Котельнича), потом — к селению Верходворскому (в 70 верстах северо-западной г. Хлынов (Вятка), далее на реку Цепцу (Чепцу) и по ее берегам — к истоку, оттуда верст 50 до Обвы, от которой “рукой подать” (верст 70) до речки Сылвы, начинающейся на западном склоне Уральских гор». Вторая дорога шла немного южнее: «с Керженца через Урень, Яранск, Нолинск. Потом — на Цепцу (гораздо южнее Хлынова). Кстати, совсем рядом с истоком Цепцы, упоминавшихся в допросах староверов речек Воцкая (Вотская) Сива, Бут, Соснова (около 130 верст от Егошихинского завода — ныне Пермь). Оттуда шли на Сылву. От верховьев Сылвы до Чусовой — 15–20 верст. А за Чусовой — Уральский хребет» [Белобородов, Боровик, с. 42–43]. Как видно из росписи этих маршрутов, оба пути в значительной части пролегли через территорию, которая к концу XVIII в. оформилась как Вятская губерния, где, несомненно, еще до Верхокамья осело немало мигрантов. В. Пальчиков провел чистку старообрядческих поселений только на стыке территорий будущих Вятской и Пермской губерний, поэтому сейчас мы и располагаем интересной информацией, касающейся только этой части Вятского края.

Среди осевших в Верхокамье были как беглопоповцы, так и беспоповцы, причем большая часть арестованных определяла себя беспоповцами. Значительное сосредоточение мелких поселений, порой состоявших из одной-двух землянок или избышек, наблюдалось в районе верховий реки Чепцы и притоков Сивы, рек Буть и Соснова. Особенно много келий было на Чепце. Там нашли себе пристанище последователи одного из главных лидеров керженского староверия, основателя беглопоповщины старца Софонтия, в том числе его пострижники, например, Досифей (в миру Дмитрий Тимофеевич Щепчинский, крестьянин Болохонского уезда), Христофор (в миру Харитон Ильин) [Корепанов, с. 144], иконописец и писатель Варсонофий Павлинов [Там же, с. 141, 144, 154], который жил отдельно от всех в 15 верстах на реке Соснова. Насельники, определявшие себя как беспоповцы, были поморцами. Известно, что Выголексинское общезнательство поддерживало тесные связи с Керженцем и что один из основателей Выговского монастыря Андрей Динисов несколько раз приезжал туда [Морохин, Сироткин].

Разгром скитов был жестким, немало людей погибло в ходе него, например, Яков Агеев сын в избушке «при поимке их приезжими с Осы при офицере Пальчикове татарами убит», Максим Иванов, «как его стали иметь, и он не давался, то ими тут и убит...» [Корепанов, с. 148], Дмитрий Фролов и Петр Аврамов, «оные пустынные и товарищ его Наум (арестованного Ивана Иванова. — И. П.) татарами убиты» [Там же, с. 143] и т. д.

Распространение и укрепление поморщины в Верхокамье шло не только за счет переселенцев с Керженца, но и путем непосредственной миссионерской деятельности Выга. Активно расширявший в это время свое влияние Выговский центр старообрядчества обратил свое внимание на верхокамские земли. Подтверждением тому являются допросы узников Заречного тына, арестованных Пальчиковым: например, Осип Петров сын Веселков, из крестьян Новгородского Антониева монастыря, еще ребенком вместе с отцом ушел на Выг, в скит к Даниле Викулину, а после смерти родителя «один сошел Казанской четверти в воцкие государевы леса» [Там же, с. 149]. В результате работы московской археографической экспедиции в Верхокамье была получена рукопись с историческими сочинениями. В одном из входящих в нее памятников сообщается, что в 1731/32 г. сюда с Выга был прислан духовный отец Григорий Яковлев. Он был отправлен с посланием Семена Денисова, своего рода верительной грамотой, подтверждающей, что поморцам было известно о существовании верхокамских скитов, для поддержки и просвещения которых и был прислан Григорий: «Дойде к нам в поморския скиты слышание о вашем боголюбии и елицах, покоряющихся священным правилом. Слышим, от еретик крещение и рукоположение неприемлющих и общение с ними не имеющих» [НБ МГУ, Верхокам. собр., 803, л. 271; Рукописи Верхокамья, с. 234]. Григорий прибыл с двумя помощниками — Аввакумом Михайловичем и Гаврилой Евсеевичем, которых позднее он благословил в духовные отцы. Гаврила и Аввакум благословили Ивана Исаевича — первого духовного отца из местных [НБ МГУ, Верхокам. собр., 803, л. 207–208; Рукописи Верхокамья, с. 48–51, 165]. Так начала выстраиваться верхокамская поморская духовная иерархия. Сохранившиеся памятники письменности старообрядцев пермского Верхокамья подтверждают связь с вятскими одноверцами. В частности, в одном из списков их родословия указано, что Иван Исаевич поставил духовным отцом Федоса Тимофеевича, пришедшего с Вятки [Материалы..., с. 80].

Информация о поморском миссионере Григории Яковлеве содержится в целом ряде нарративных источников, относящихся к концу XIX — началу XX в. [НБ МГУ, Верхокам. собр., 803, 1574; Рукописи Верхокамья, с. 234], поэтому вопрос реальной деятельности этого человека требует дополнительного исследования. В документах, опубликованных Н. С. Корепановым, среди арестованных в Верхокамье старообрядцев был Григорий Павлович Яковлев, дворцовый крестьянин Коломенского уезда, 80 лет. Он оказался одним из первых погибших в Заречном тыне, Григорий умер до допроса 1739 г. Нельзя исключать, что этот человек мог быть миссионером Выга, присланным в Верхокамье в 1731/32 г.

Места расселения поморцев в XIX в. на территории Глазовского уезда указывал православный миссионер А. Луканин. В своем описании тех же событий, о которых писал Палладий, он отмечал: «Из Сепыча поморская секта распространилась в пограничный приход Вятской губернии села Кулиг, но в котором именно году, достоверно неизвестно. Сепычевские развратители действовали тайно, совращали легковерных кулижан, — и вдруг в приходе этом отпала от церкви почти целая половина прихожан: уклонились в раскол целыми деревнями...» [Луканин, с. 227–228].

Сведения о поморцах этого района в XIX в. оставил в «Записке о раскольниках Глазовского уезда» старший помощник правителя канцелярии Вятского губернатора, титулярный советник В. А. Минх [Починская, 2016, с. 237–238]. Свой рассказ он начинает следующими словами: «Край Петуховская волость известен под названием Кулиг, с восточной стороны граничит с имением гр. Строганова в Пермской губернии, которое населено преимущественно раскольниками» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 8]. Минх перечисляет «сельские общества», где особенно велика доля старообрядцев: Юсовское, Карсовайское, Гординское, Созиновское, а также указывает Попоговское общество соседней с Петуховской Верхлюмской волости.

Материалы Минха, видимо, использовал в одном из своих отчетов миссионер М. Фармаковский, который, как и А. Луканин, прямо пишет, что Карсовайский, Кулигинский, Гординский приходы были «заражены расколом Сепычскими раскольниками» [Раскол в северной полосе..., с. 242]. Правда, это заражение он, вслед за Минхом, относит к 1830-м гг. По сообщению Фармаковского, одним из миссионеров-поморцев на вятской территории был крестьянин д. Гришинской, Сепычской волости, Пермской губернии Илларион Егоров, который успешно занимался там вербовкой своих сторонников. Им были поставлены наставники из местных жителей Григорий Дмитриев Макаров и Стефан Назаров Тебеньков [Там же, с. 241]. Илларион Егоров до начала 1860-х гг. периодически совершал походы в Вятскую губернию с миссионерской целью, в частности, Фармаковский ссылается на документы, зафиксировавшие появление там старца в 1864 г., когда он поставил очередного наставника крестьянина д. Тарасятской Бориса Шмырина [Там же, с. 243].

М. Фармаковским отмечен интересный факт «совращения» в поморский раскол «пермяков» — удмуртов [Там же, с. 240–241], подтверждающийся клировыми ведомостями. По их данным практически полностью старообрядческим было населенное удмуртами с. Гордино. Численность сторонников староверия в сельском приходе по материалам 1872 г. составляла 1166 человек и все они принадлежали к поморскому согласию [Церкви и приходы..., с. 230–231]. По сведениям тех же клировых ведомостей старообрядцы поморского согласия проживали в Кулиге — 1 698 человек, в Карсовое — 522, в Зуре — 336, в Верх-Лыпе — 86.

Помимо поморцев на территории Глазовского уезда довольно крупные общины имели филипповцы, которые существовали в Глазове и в поселениях

юга и юго-запада уезда. Из нарративных источников, созданных этим согласием, следует, что филипповцы появились в Глазове в конце XVIII в. и их рост был связан с одним из крупнейших центров согласия, находившимся на востоке Нижегородской губернии, рядом с Уренем и его окрестностями, духовные отцы которого имели прямое благословение от старца Филиппа и его учеников: «Последователи филиппова учения преемственно хранили благочестие в уренских пределах, а также в Глазове и на Медяне, а в уржумские пределы христианство проникло 115 лет тому назад, т. е. 7310 годах. Мужья достойные блаженной памяти Афанасий Перминов и Ермилло Ермильевич оба были духовные правители и учили вере христианской» [ЛАИ УрФУ, XVII.23р/813, л. 34 об.–35]. Афанасий Перминов, один из первых филипповских духовных отцов в Глазове, принял иночество в Выговской пустыни, «а после разорения монастыря царскими властями жил в Глазовских пределах на родине, как уроженец той страны» [Материалы..., с. 104]. Афанасий окормлял не только глазовских филипповцев, но и живших в Уржумском уезде. О силе и влиянии глазовских общин свидетельствует участие их лидеров в качестве третейских судей в разрешении внутренних конфликтов в общинах Южной и Центральной Вятки, развернувшихся во второй половине XIX в. [ЛАИ УрФУ, XVII.23р/813, л. 39 об.–40].

Весьма интересным является вопрос, связанный со старообрядцами Омутнинского завода. Он был построен в 1773–1775 гг. помещиком И. П. Осокиным, которому принадлежало множество горных заводов, в том числе Юговской и Иргинский, где работало немало старообрядцев. При пуске нового завода Осокин перевел часть своих работников с этих предприятий в Омутнинск, среди них были и старообрядцы. В вопросе определения их согласия источники, а вслед за ними и исследователи дают очень противоречивую информацию. Остановимся на этом вопросе подробнее.

По данным ревизских сказок 1782 г. указано 596 жителей завода, из них 18 старообрядцев, но к 1828 г. «все жители завода без исключения объявили себя состоящими в расколе беглопоповщинского толка» [Попов, с. 171]. В одном из отчетов вятского губернатора в центр о состоянии «раскола» за 1815 г. так же указано, что на Омутнинском заводе проживают старообрядцы-беглопоповцы, которых окормляет священник, приезжающий из Казани один раз в год. В его отсутствие службы ведут старики в часовнях, но без совершения таинств [ГАКО, ф. 582, оп. 44, д. 253, л. 486–486 об.]. В 1870 г., излагая материалы деятельности противораскольнической миссии на Вятке в «Вятских епархиальных ведомостях», автор обзора, зашифровавший свое имя как И. К-в, в рассказе о миссионерской работе священника Ильи Редникова на Омутнинском заводе в 1835 г. пишет: «Раскольники Омутницкаго завода были поповцы; только около времени приезда о. Редникова явился среди них раскольник, отступивший от поповщинского толка, сделавшийся безпоповцем и увлекший за собою до 6 семейств» [К-в, с. 201]. Эти слова подтверждаются документами, указывающими, что на заводе была одна моленная, расположенная в доме мастерового

Курбатова [ГАКО, ф. 582, оп. 139, д. 1747, л. 417–418], и все старообрядцы (по данным канцелярии вятского губернатора 648 человек, по сведениям Вятской духовной консистории 1468 человек) посещали ее [Там же, оп. 128з, д. 23, л. 119; ф. 237, оп. 139, д. 1742, л. 4 об.]. Свой переход в другое согласие новоявленный беспоповец объяснил миссионеру тем, что беглопоповцы «принимали беглых попов нетрезвой жизни, употреблявших табак. Один из них, по имени Филимон, сбежал из завода, а другой — Петр выслан в Казань» [К-в, с. 201–202]. Начавшееся во второй половине 1830-х гг. активное и довольно успешно проходившее обращение старообрядцев завода в единоверие тоже не оставляет сомнений в том, что среди них подавляющее большинство составляли беглопоповцы. Так, например, по сообщению миссионера, в 1840 г. на заводе в единоверие перешел 121 беглопоповец [ГАКО, ф. 237, оп. 139, д. 1747, с. 374–377]. Беспоповцы крайне слабо поддавались церковной пропаганде.

Путаницу в определении направления, к которому принадлежали омутнинские старообрядцы внесли, видимо, светские чиновники в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. В переписи старообрядцев 1842 г., проводившейся секретным столом канцелярии вятского губернатора, указано, что на Омутнинском заводе числится 1 212 поморцев и 417 единоверцев [ГАКО, ф. 582, оп. 128з, д. 169, л. 41], в фонде Главного управления акционерного общества Северных заводов Н. П. Пастухова, на документы которого в своих исследованиях Омутнинского завода ссылается Т. А. Васина, жившие там старообрядцы также определяются как поморцы [Васина]. Причиной ошибки светских чиновников стал, видимо, считавшийся ими одним из основных признаков идентификации — наличие сводных браков. Однако знакомство с довольно широким комплексом архивных материалов показывает, что к практике сводных браков прибегали не только беглопоповцы в условиях отсутствия священников, но и омутнинские единоверцы в тех случаях, когда их не устраивали имеющиеся священники [Палкин, с. 173–174].

Активными деятелями омутнинского старообрядчества были представители рода Чодаевых, в частности, в конце 1840-х — начале 1850-х гг. наставником был мастерской Иван Федоров Чодаев [ГАКО, ф. 237, оп. 12а, д. 378, л. 25 об.], в это же время пропагандистами староверия за пределами завода были его работники Порфирий и Егор Чодаевы [Починская, 2016, с. 240].

К 1860-м гг. значительная часть старообрядцев Омутнинского завода признала австрийскую иерархию [Попов, с. 172]. В 1870–1880-е гг. лидерами омутнинских старообрядцев стали Федор и Анисим Веселухины, Андрей Ильин, священник австрийской иерархии Иван Кузнецов [ГАКО, ф. 352, оп. 69, д. 351, л. 3 об.].

В 1883 г. старообрядцы завода вознамерились построить свой храм на 300 человек за счет собственных средств и обратились с прошением в МВД. Министерство не только отказало в строительстве культового здания, но и затребовало сведения о том, есть ли разрешение на существующую моленную. В связи с этим запросом было произведено оформление и до того легально на местном уровне существовавшей моленной. Исправник глазовской полицейской управы

с понятыми осмотрел дом, принадлежавший М. Кузнецову, в который предполагалось перенести моленную из старого помещения, но уже оборудовать ее алтарем, и признал этот дом приспособленным для богомолья. Он состоял из двух комнат: одна — для алтаря, другая — для молящихся. Однако разрешение на использование дома в качестве храма старообрядцы получили только 10 декабря 1887 г. [ГАКО, ф. 352, оп. 69, д. 351, л. 3–41].

В тесном контакте с омутнинскими старообрядцами находились их одноверцы Порубовской волости, так называемого Зюздинского края — территории Глазовского уезда, находившейся северо-восточнее Омутнинского завода. Состояние старообрядчества этого региона описал в своей «Записке о раскольниках Глазовского уезда» В. А. Минх [подробнее об этом см.: Починская, 2016, с. 238–241]. Он отметил, что порубовские старообрядцы были тесно связаны с пермскими, но значительно большую роль в вовлечении их «в раскол» сыграли старообрядцы Омутнинского завода. Минх упоминает о том, что «раскольники» Омутнинского завода приезжают в Порубовскую и другие северо-восточные волости в качестве надзирателей за копкою руды. В свою очередь в зимнее время старообрядцы Зюздинского края ездили в Омутнинский завод заниматься перевозкой и добычей руды. Активными распространителями «раскола» в Зюздинском крае были работники Омутнинского завода Егор и Порфирий Чодаевы. В 1849 г. они приняли монашеский постриг и увлекли с собой в монашество нескольких местных жителей.

В 1850 г. в Порубовской волости появился первый австрийский священник, который был поставлен по инициативе тех монахов, которые появились в результате деятельности Чодаевых [Раскол в северной полосе..., с. 244–247]. Фармаковский писал, что «эти монахи работали во вред православию» в течение тридцати лет. К этому времени их число увеличилось до 25. «Как пустыnnики, в иноческих одеждах, они бродили по деревням, развращали народ, привлекали в свой скит, на домах отправляли службу, требы и все, в чем нуждается христиан» [Там же, с. 244].

Сильный и влиятельный центр беглопоповщины сформировался также на юго-западе Глазовского уезда, эпицентром которого были Порезская, Унинская, Сардыкская волости. Одной из самых влиятельных среди беглопоповцев этого региона была семья Телицыных. В поле зрения властей она попала в 1854 г. в связи с розыском по делам старообрядцев, проводившимся советником Вятского губернского правления М. Е. Салтыковым [подробнее об этом см.: Починская, 2003].

Из следственного дела известно, что около 1780 г. сюда перебрался из Сунской волости Нолинского уезда «по случаю бедствия» государственный крестьянин Василий Телицын. Вокруг места его поселения выросла деревня, которая по имени основателя стала называться Телицыной. В своем доме Василий устроил моленную. В 1835–1836 гг. она была запечатана глазовским земским исправником, «но впоследствии разрешена кем-то». Дом, построенный отцом, перешел к его сыну Ионе.

Иона Васильевич, будучи купцом, в конце 1830-х — начале 1850-х гг. в поисках наиболее благоприятных условий для своей предпринимательской деятельности неоднократно менял место приписки (Казань, Глазов, Сарапул) к купеческой гильдии, наконец, в результате запрета властей записываться старообрядцам в купцы, вынужден был в 1853 г. записаться в государственные крестьяне. Однако это не помешало ему продолжить занятие предпринимательством: в том же году он купил дом в Сарапуле и сосредоточился на торговле лесом и пиломатериалами [ГАКО, ф. 583, оп. 608, д. 1160, л. 145 об.–146].

В ходе следствия, проводившегося М. Е. Салтыковым в 1853 г., был проведен обыск в домах И. Телицына: в Сарапуле, в д. Телицыной и на мельнице в четырех верстах от этой деревни. Во всех домах обнаружили моленные, которые были запечатаны. В августе 1855 г. И. В. Телицын умер. В дальнейшем в течение многих лет за открытие моленной и возвращение конфискованных вещей боролся его сын Агафонник [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 23]. В сентябре 1858 г. моленная была разрешена [Там же, оп. 836, д. 39, л. 23].

Род Телицыных довольно большой: кроме линии Ионы, была и другая, видимо, от других сыновей Василия Телицына. Например, в переписке 1850-х — начала 1860-х гг. архиепископа Вятского Ельпидифора с вятским губернатором обсуждалось дело о «раскольнике» Иване Лазареве Телицыне, у которого в доме была моленная и называлось имя настоятеля этой моленной — крестьянина д. Кулябиной Ефима Яковлева Рябова. По донесению главного земского исправника, она была устроена примерно в 1854–1855 гг. при строительстве дома, т. е. после закрытия моленной в доме у Ионы семья решила оборудовать помещение для отправления культа в доме другого своего члена. В сентябре 1858 г. власти приняли решение моленную запечатать, а книги и иконы отправить в консисторию. Причиной тому, вероятно, в первую очередь, стала фигура Рябова, который считался дважды отпадавшим в раскол. После многолетних ходатайств Ивану Телицыну удалось к концу 1864 г. добиться разрешения на открытие своей моленной [Там же, оп. 84а, д. 28].

В ходе следствия М. Е. Салтыкова после обнаружения моленных в домах Ионы Телицына был сделан запрос в архив Вятской губернской канцелярии с тем, чтобы выяснить, есть ли какая-то информация о них. В справке, выданной архивом, сообщалось, что данных о моленной при доме Телицына не найдено, но есть сведения о часовне в соседней д. Наймушиной «слышущей под названием телицынской по тому влиянию, какое имеет на нее купец Иона Телицын» [ГАКО, ф. 583, оп. 608, д. 1158, л. 48–48 об.]. В нее на службы съезжались старообрядцы не только Глазовского уезда, но и Малмыжского, Уржумского, Нолинского. В большие праздники в ней собиралось до 500 человек [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 245, л. 8; РГИА, ф. 796, оп. 151, д. 1167, л. 6–6 об.]. Примерно в 100 км от д. Наймушино на юго-восток находилась д. Кулябина, родом из которой был Абрам Кулябин (Кулибин), один из первых епископов белокриницкого согласия под именем Афанасий. В ходе допроса его брата Аксена было выяснено, что Абрам, уже будучи в сане, появлялся дома в 1851 г. [Починская, 2003, с. 234–235]. Надо

полагать, приезд епископа оказал влияние на поповцев региона, возможно, им были рукоположены священники. Известно, что семьи Кулябиных и Телицыных поддерживали тесные связи.

Около 1858 г. в Наймушине появился священник Маркел Рябов [Наймушин, с. 213]. Маркел вместе с Иваном Телицыным и Степаном Берестовым были главными «коноводами раскольников в этих краях» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 565, л. 7 об.]. Однако сомнения в истинности австрийского священства довольно быстро привели некоторых лидеров общины в единоверие. Среди них оказались и Рябовы, в том числе поп Маркел. Споры между сторонниками и противниками австрийской иерархии нередко перерастали в драки [Наймушин, с. 213]. С появлением единоверцев в селе возникла необходимость в церкви, и они в начале 1860-х гг. обратились к вятскому губернатору с прошением о передаче им часовни [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 565, л. 10–11]. Спустя несколько лет их притязания были удовлетворены [Шерстенников, с. 366].

Таким образом, на протяжении большей части истории старообрядчества оно находилось преимущественно в подвижном состоянии. Это были не только перемещения на большие расстояния, но и уходы в близлежащие скиты поодиночке или даже семьями, переезды из одного населенного пункта в другой. К концу третьей четверти XIX в. этот процесс практически остановился. Изменения государственной политики по отношению к старообрядчеству постепенно создавали условия для его более спокойного существования.

Источники

ГАКО — Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 12а. Д. 378; Оп. 139. Д. 1742, 1747; Ф. 352. Оп. 69. Д. 351; Ф. 582. Оп. 44. Д. 253; Оп. 836. Д. 39; Оп. 84. Д. 56, 245, 565; Оп. 84а. Д. 28; Оп. 128з. Д. 23, 169; Ф. 583. Оп. 608. Д. 1158, 1160.

ЛАИ УрФУ — Лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета. XVII.23р/813.

Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки / ред. В. П. Богданов. М. : Макс Пресс, 2012.

Наймушин С. А. Моя жизнь в расколе // Вятские епархиальные ведомости. 1897. № 5. С. 211–216.

НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета. Верхокам. собр. 803.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 151. Д. 1167.

Церкви и приходы Вятской епархии по клировым ведомостям 1872 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1873. № 7. С. 216–237.

Шерстенников Д. О. Два торжества в селе Малой-Пурге, Сарапульского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1902. № 7. С. 357–368.

Исследования

Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Старообрядчество горнозаводского Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017.

Васина Т. А. Старообрядцы Омутнинского завода Вятской губернии в дореформенный период (конец XVIII – первая половина XIX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (19). С. 90–97.

К-в И. Вятская противораскольничья миссия // Вятские епархиальные ведомости. 1870. № 11. С. 191–203.

Корепанов Н. С. О Тыне Заречном // Музей «Невьянская икона». 2013. № 4. С. 135–168.

Луканин А. М. Беспоповцы поморского толка в Оханском уезде Пермской губернии // Пермские епархиальные ведомости. 1868. № 14. С. 223–228.

Морохин А. В., Сироткин С. В. Керженец // Православная энциклопедия / ред. патриарх Московский и всея Руси Кирилл. М. : Церковно-образовательный центр «Православная энциклопедия», 2013. Т. 32. С. 489–494. URL: <http://www.pravenc.ru/text/1684225.html>

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.

Палладий (Пьянков), архим. Обзорение пермского раскола: так называемого «старообрядства». СПб. : Тип. духовного журнала «Странник», 1863.

Попов А. По поводу бесед, бывших в Омутнинском заводе с защитником австрийского священства К. А. Петрухиным // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 3. С. 170–179.

Починская И. В. «Дело по ведению следствия о раскольнике Ситникове А. ...» (М. Е. Салтыков и старообрядцы) // Уральский сборник. История. Культура. Религия / ред. И. В. Починская. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 231–245.

Починская И. В. «Записка о раскольниках Глазовского уезда» В. А. Минха // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4. С. 232–243.

Раскол в северной полосе Глазовского уезда (Из отчета глазовского миссионера протоиерея М. Фармаковского за 1879 год) // Вятские епархиальные ведомости. 1880. № 10. С. 239–247.

Рукописи Верхокамья / Е. А. Агеева, Н. А. Кобяк, Т. А. Круглова, Е. Б. Смилянская. М. : Цимелия, 1994.

References

Ageeva, E. A., Kobayak, N. A., Kruglova, T. A., & Smilyanskaya, E. B. (1994). *Rukopisi Verkhokam'ia* [The Manuscripts of Verkhokamye]. Moscow: Tsimeliia.

Beloborodov, S. A., & Borovik, Yu. V. (2017). *Staroobriadchestvo gornozavodskogo Urala* [Old Belief in the Mining Towns of the Urals]. Yekaterinburg: Ural University Press.

K-v, I. (1870). *Viatskaia protivoraskol'nich'ia missiia* [The Vyatka Anti-Schismatic Mission]. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti*, 11, 191–203.

Korepanov, N. S. (2013). О Тыне Zarechnom [About Zarechnyi Tyn]. *Muzei "Nev'ianskaia ikona"*, 4, 135–168.

Lukanin, A. M. (1868). *Bespopovtsy pomorskogo tolka v Okhanskom uezde Permskoi gubernii* [The Bespopovtsy of the Pomortsy Faction in Okhansk District of Perm Province]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*, 14, 223–228.

Morokhin, A. V., & Sirotkin, S. V. (2013). Kerzhenets. In Patriarch Kirill of Moscow and all Russia (Ed.), *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopaedia] (Vol. 32, pp. 489–494). Moscow: Church Research Center "Pravoslavnaia Entsiklopediia". Retrieved from <http://www.pravenc.ru/text/1684225.html>

Palkin, A. S. (2016). *Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiiskii kontekst i regional'naia spetsifika* [Edinoverie from the Middle of the 18th to the Early 20th Centuries: National Context and Regional Specifics]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Palladij (Pyankov), Arkhim. (1863). *Obozrenie permskogo raskola: tak nazyvaemogo "staroobriadstva"* [Review of the Perm Schism of So-Called "Old Belief"]. St Petersburg: Print. House of the Spiritual Journal "Strannik".

Popov, A. (1904). Po povodu besed, byvshikh v Omutninskom zavode s zashchitnikom avstriiskogo sviashchenstva K. A. Petrukhinym [Apropos of Debates in Omutninsk Factory with K. A. Petrukhin, a Defender of the Austrian Priesthood]. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti*, 3, 170–179.

Pochinskaya, I. V. (2003). “Delo po vedeniiu sledstviia o raskol'nike Sitnikove A. ...” (M. E. Saltykov i staroobriadtsy) [Investigation of the Schismatic A. Sitinkov]. In I. V. Pochinskaya (Ed.), *Ural'skii sbornik. Istorii. Kul'tura. Religii* [Ural Collection. History. Culture. Religion] (Iss. 5, pp. 231–245). Yekaterinburg: Ural University Press.

Pochinskaya, I. V. (2016). “Zapiska o raskol'nikakh Glazovskogo uyezda” V. A. Minkha [“An Essay about the Schismatics of Glazov Uyezd” by V. Minkh]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 18(4), 232–243.

Raskol v severnoi polose Glazovskogo uyezda (Iz otcheta glazovskogo missionera protoiereia M. Farmakovskogo za 1879 god) [The Schism in the Northern Zone of Glazov District (From the 1879 Report of the Glazov Missionary, Archpriest M. Farmakovsky)] (1880). *Viatskie eparkhial'nye vedomosti*, 10, 239–247.

Vasina, T. A. (2017). Staroobriadtsy Omutninskogo zavoda Viatskoi gubernii v doreformennyi period (konets XVIII — pervaiia polovina XIX veka) [Old Believers of Omutninsk Factory in Pre-reform Vyatka Province (Late 18th — Early 19th Centuries)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3 (19), 90–97.

Починская Ирина Викторовна

доктор исторических наук, заведующая
Лабораторией археографических
исследований
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: poirvi12@gmail.com

Pochinskaya, Irina Viktorovna

Dr. Hab. (History), Head of the Laboratory
of Archaeographic Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave.,
620000 Yekaterinburg, Russia
Email: poirvi12@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7431-856X
ResearcherID: T-7944-2019
Scopus AuthorID: 57210158500